

ДЖОЗЕФ КЛАРК

КУЛЬТ ВРАГА:

НАЦИСТСКАЯ БОРЬБА С «СЕКТАМИ»
И ЕЕ СОВРЕМЕННОЕ ЭХО

Историческое исследование о том, как нацисты превратили
борьбу с религиозными меньшинствами в инструме

18+

тоталитарного подавления

Джозеф Кларк

**Культ Врага. Нацистская борьба
с «сектами» и ее современное эхо**

«Автор»

2025

Кларк Д.

Культ Врага. Нацистская борьба с «сектами» и ее современное эхо
/ Д. Кларк — «Автор», 2025

Культ врага. Нацистская борьба с «сектами» и ее современное эхо — историческое исследование о том, как нацисты превратили борьбу с религиозными меньшинствами в инструмент тоталитарного подавления. Автор проводит тревожные параллели между нацистской риторикой и современными «сектоведами», показывая, как технология демонизации инакомыслия воскрешается под прикрытием «духовной безопасности». Это предупреждение о цене молчания.

© Кларк Д., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Культ Врага. Нацистская борьба с «сектами» и ее современное эхо

Глава

ВВЕДЕНИЕ

Как убедить целую нацию в том, что преследование соседей – это не преступление, а добродетель? Как превратить обывателя, вчера еще деликатно здоровавшегося на улице с причудливым теософом или набожным исследователем Библии, в бдительного информатора, готового написать донос, который уничтожит их жизни? Этот парадокс – парадокс установления тоталитарного порядка через культивацию всеобщей подозрительности – лежит в основе одной из самых мрачных глав истории двадцатого века. Он же, словно зловещее эхо, звучит и сегодня в речах тех, кто призывает к «духовной безопасности» и войне с «деструктивными культурами».

ЧАСТЬ I. ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЗНИЦА

Глава 1. Призрак Веймара. Теология, страх и «проблема сект»

Германия 1920-х годов была страной на грани нервного срыва. Унизительное поражение в Первой мировой войне, неподъемные репарации Версальского договора, гиперинфляция, превращавшая сбережения в пыль, и жестокая политическая борьба между коммунистами и ультраправыми создавали атмосферу всепроникающего страха и неопределенности. Старые опоры рухнули. Империя кайзера, казавшаяся вечной, рассыпалась. Церковь, веками дававшая утешение и моральные ориентиры, теряла авторитет в глазах миллионов людей, разочарованных и ищущих новые ответы на вечные вопросы.

Именно на этой выжженной почве старых верований расцвели сотни новых духовных и философских движений. Это был калейдоскоп идей, причудливый и пугающий для консервативного обывателя. С Востока проникали теософия и антропософия, предлагавшие эзотерические учения о карме, реинкарнации и скрытых силах космоса. Из Америки пришли новые, энергичные формы протестантизма, такие как ревностные Исследователи Библии, будущие Свидетели Иеговы, с их бескомпромиссным пацифизмом и предсказаниями скорого конца света. Возрождались древние германские языческие культы, адепты которых искали духовные корни нации в рунах и мифах о Вотане.

Для многих это был глоток свежего воздуха, попытка найти индивидуальный путь к истине в мире, где все коллективные пути привели к катастрофе. Но для традиционных институтов, и в первую очередь для лютеранской и католической церквей, это многообразие было не признаком свободы, а симптомом болезни, духовного распада нации. Хаос в умах казался им прямым отражением политического и экономического хаоса на улицах. В этом многоголосье они видели не поиск, а потерю – потерю немецкой души, которую разрывали на части чуждые, непонятные и потому опасные учения.

В этой атмосфере интеллектуальной паники и родилась «проблема сект». Она не была изобретением нацистов. Она была сформулирована и облечена в respectable теологическую форму задолго до их прихода к власти. Ключевой фигурой в этом процессе стал молодой, амбициозный лютеранский теолог Вальтер Кюннет. В 1928 году он опубликовал работу, которой суждено было стать идеологическим катехизисом для будущих гонителей. Книга называлась «Die Sektenproblem der Gegenwart» («Проблема сект в современности»), но более точным переводом ее сути было бы «Секты как проблема для современности».

Кюннет не был примитивным фанатиком. Он был образованным интеллектуалом, и его работа была написана не как грубый памфлет, а как серьезное богословское исследование. Именно это и делало ее столь опасной. Он не призывал к насилию. Он создавал нечто гораздо более важное: легитимную основу для будущего государственного преследования. Кюннет систематизировал страхи консервативного общества и придал им академический вес.

Его главный тезис был прост и соблазнителен: «секты» – это не просто иные религиозные взгляды. Это, по своей сути, антицерковные и, как следствие, антинациональные явления. Он утверждал, что они представляют собой «духовное разложение», подтачивающее моральные устои и единство немецкого народа. Кюннет разработал целую типологию угроз. Американские группы, такие как Свидетели Иеговы или мормоны, он изображал как проводников «американизма» – чуждого, прагматичного духа, несовместимого с глубиной немецкой души. Эзотерические движения вроде антропософии он клеймил как «синкретический хаос», смешивающий христианство с восточным мистицизмом и тем самым «загрязняющий» чистоту веры.

Лояльность чему-либо, кроме нации и государства, объявлялась подозрительной и враждебной. Кюннет, ковал оружие для тех, кто вскоре потребует абсолютной и безраздельной лояльности. Он превратил теологический спор в вопрос национальной безопасности. Он учил видеть в соседке-теософке не просто чудачку, а угрозу, в коллеге-пацифисте – не человека с иными убеждениями, а предателя.

Работы Кюннета и других церковных «апологетов» (защитников веры) создали необходимый интеллектуальный климат. Они подготовили почву. Они ввели в оборот сам язык, на котором будут говорить будущие преследователи. Термины вроде «духовное загрязнение», «угроза народному телу» и «чуждый дух» стали общим местом в респектабельных дискуссиях задолго до того, как их подхватила нацистская пропаганда.

Когда в январе 1933 года Адольф Гитлер пришел к власти, ему не нужно было придумывать «проблему сект». Она уже существовала, подробно описанная, каталогизированная и признанная респектабельной частью общества. Ему и его идеологам оставалось лишь взять эту готовую концепцию и превратить ее из теологической теории в государственную практику, заменив робкие призывы церкви к «защите» на безжалостную хватку тайной полиции. Призрак Веймара, порожденный страхом и неуверенностью, обрел плоть в виде тоталитарного режима, готового «очистить» нацию от любого инакомыслия. Идеологическая кузница подготовила металл, из которого вскоре начнут ковать кандалы.

Глава 2. Идеология чистоты. Национал-социализм и война с «духовным загрязнением»

Национал-социализм был одержим идеей чистоты. Эта одержимость пронизывала все аспекты его идеологии, от расовой теории до культурной политики. Чистота арийской крови, чистота немецкого искусства, чистота германского духа – вот три кита, на которых строился миф о Тысячелетнем рейхе. И если главным врагом расовой чистоты был объявлен еврей, то врагом чистоты духовной стало любое мировоззрение, которое не вписывалось в узкие рамки нацистской доктрины. В этом контексте «борьба с сектами» была не второстепенной задачей, не причудой отдельных функционеров, а логичным и необходимым элементом построения тоталитарного общества.

Центральным понятием, объясняющим этот процесс, стало *Gleichschaltung* – слово, которое трудно перевести дословно, но которое означает «унификацию», «выравнивание» или «подключение к единой сети». Это была тотальная синхронизация всех сфер жизни немецкого общества с нацистской идеологией. Профсоюзы, молодежные организации, спортивные клубы, культурные ассоциации – все они были либо распущены, либо интегрированы в партийные структуры. Цель была проста: уничтожить любые очаги независимой общественной

жизни, любые формы коллективной идентичности, которые могли бы составить конкуренцию партии. Человек должен был остаться один на один с государством, его единственной семьей, его единственной церковью, его единственным авторитетом.

Именно здесь «антисектантские» настроения Веймарской республики оказались для нацистов бесценным подарком. Теологи вроде Вальтера Кюннета уже проделали огромную работу, определив «секты» как носителей альтернативной лояльности, стоящей выше лояльности нации. Нацистам оставалось лишь довести эту логику до ее предельного, кровавого завершения. Если раньше «секта» была теологической проблемой для церкви, то теперь она стала политической проблемой для государства.

Любая группа, предлагавшая своим членам иную систему ценностей, иную картину мира или иную высшую власть, чем Адольф Гитлер, автоматически подпадала под определение «секты» и, следовательно, «врага народа». Неважно, были ли это Свидетели Иеговы, чья лояльность принадлежала Царству Бога, а не фюреру; антропософы, верившие в карму и духовную эволюцию, а не в кровь и почву; или масоны с их космополитическими идеалами братства всех людей. Все они совершали одно и то же непростительное преступление: они осмеливались иметь собственную, независимую от государства, духовную жизнь. Они создавали «государство в государстве», как писала нацистская пресса, подрывая монополию партии на умы и души немцев.

Эта риторика «очищения» и «выжигания язв» была не просто метафорой. Она была прямым руководством к действию. Нацистская идеология рассматривала общество как биологический организм – *Volkskörper*, «народное тело». А «секты», наряду с евреями, цыганами и душевнобольными, объявлялись вирусами, инфекциями, «духовным загрязнением», которое угрожает здоровью этого организма. Борьба с ними была не вопросом политических репрессий, а вопросом гигиены, необходимой санитарной мерой для выживания нации.

Эта биологизация и медиализация инакомыслия имела два важных последствия. Во-первых, она дегуманизировала жертв. С «духовной заразой» не спорят, ее не переубеждают – ее уничтожают. Человек, принадлежащий к «секте», переставал быть оппонентом с иными взглядами; он становился носителем опасного патогена. Во-вторых, она оправдывала преследования в глазах обывателей. Ведь врач, который делает болезненную операцию по удалению опухоли, – не садист, а спаситель. Точно так же и государство, «очищающее» общество от «сект», позиционировало себя не как тирана, а как заботливого доктора, спасающего нацию от гибели.

Пропаганда активно эксплуатировала этот образ. Газеты пестрели статьями о «духовных шарлатанах», которые «опутывают своими сетями» доверчивых граждан, «высасывают из них деньги» и «разрушают немецкие семьи». Этот язык был прост, понятен и бил по самым глубинным страхам обывателя: страху потерять близких, страху быть обманутым, страху перед непонятным и чужим.

Таким образом, нацисты блестяще адаптировали существующие «антисектантские» фобии для своих целей. Они взяли расплывчатую тревогу Веймарской эпохи и превратили ее в остро заточенный инструмент тоталитарного контроля. Война с «духовным загрязнением» стала неотъемлемой частью проекта *Gleichschaltung*. Уничтожая независимые духовные группы, режим не просто устранял конкурентов. Он атомизировал общество, разрушал горизонтальные связи между людьми, оставляя их беззащитными перед всепроникающей властью партии.

Каждый закрытый молитвенный дом, каждая разогнанная теософская лекция, каждый арестованный масон были шагами к построению идеально унифицированного общества, где есть только одна воля, одна вера и один фюрер. Идеология чистоты требовала полного контроля не только над телами, но и над душами. И «борьба с сектами» стала одним из ключевых фронтов в этой тотальной войне за человеческий дух.

Глава 3. Архитекторы преследования. СС Гимmlера и «Сектантский отдел»

Если идеология чистоты была душой нацистского режима, то его нервной системой и мускулами стали СС (*Schutzstaffeln*, «охранные отряды») под руководством Генриха Гимmlера. Этот бывший агроном, одержимый мистикой, оккультизмом и идеей создания новой арийской аристократии, был одним из самых могущественных и зловещих деятелей Третьего рейха. Именно он превратил СС из личной охраны Гитлера в гигантскую империю, включавшую в себя элитные войска, концентрационные лагеря и всесильную тайную полицию. И именно в недрах этой империи была создана машина для методичного подавления идеологических противников, включая так называемые «секты».

Переход от туманных идеологических деклараций к конкретным репрессивным действиям начался почти сразу после прихода нацистов к власти. Но поначалу это был скорее хаотичный процесс. Штурмовики СА громили молитвенные дома, местные партийные бонзы запрещали деятельность неудобных групп по собственной инициативе. Однако для такого педанта тотального контроля, как Гимmlер, этот хаос был неприемлем. Борьба с врагами рейха должна была вестись не спонтанно, а системно, методично и, как он любил говорить, «по-научному».

Ключевую роль в этом процессе сыграла Служба безопасности рейхсфюрера СС, более известная как СД (*Sicherheitsdienst*). Созданная в 1931 году молодым и амбициозным Рейнхардом Гейдрихом, СД изначально была службой разведки и контрразведки внутри самой нацистской партии. Но после 1933 года ее полномочия стали стремительно расширяться. Гейдрих видел задачу СД не просто в поимке шпионов и диверсантов, а в тотальном «изучении» и контроле над всеми сферами жизни немецкого общества. СД должна была стать «идеологической разведкой» партии, ее глазами и ушами, проникающими в самые потаенные уголки сознания немцев.

В структуре СД было создано специальное Второе управление, занимавшееся «изучением идеологических противников» (*Gegnerforschung*). Его сотрудники были не типичными полицейскими громилами, а в основном молодыми интеллектуалами с университетским образованием – юристами, историками, социологами. Они не просто арестовывали, они анализировали. Они собирали информацию, писали подробные отчеты, составляли схемы и диаграммы, классифицируя врагов рейха по степени опасности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.